

за терзания души публике придется заплатить

СЕРГЕЙ САФОНОВ

В московском Музее археологии открылась выставка гравюр Франсиско Гойи (1746—1828), знаменитого живописца и графика. Местом показа его работ стали столичные руины XVII века под зданием гостиницы «Москва».

Похоже, сотрудники подземелья под руководством директора Галины Ведерниковой не искушены в проведении выставок — иначе не вручили бы корреспонденту **Газеты** под видом пресс-релиза документ с плохо замазанным подзаголовком «Материалы к выступлению на открытии». Видимо, кто-то из администрации накануне разучивал по этим листочкам свою торжественную речь. В организации показа Гойи в этом филиале Музея истории Москвы вообще много странностей. В день вернисажа, например, мне довелось разговаривать с несколькими сотрудниками ГМИИ имени А.С. Пушкина,

посвятившими годы научной работы испанскому искусству, — так вот, о грядущей выставке «Гойа. Терзания души» они не подозревали. Складывается даже впечатление, что экспозиция была сознательно подготовлена в обход специалистов по представленному на ней материалу. Во всяком случае консультантами московских «археологов» никто из научных сотрудников Пушкинского музея не выступал.

Казалось бы, что тут такого: Рихард Майер, владелец частной коллекции из германского Бамберга, уже предоставлял экспонаты для недавней московской выставки «Сальвадор Дали. Золотой век», а теперь решил показать у нас офорты Гойи. Однако вряд ли сотрудники непрофильного музея, не сумевшие отказаться от заманчивого коммерческого предложения (в течение двух месяцев билеты на выставку будут продаваться по цене двести пятьдесят рублей), в курсе непростой судьбы представленных ими альбомов. Дело в том, что помимо первых ав-

торских оттисков в мире существует немало и более поздних тиражей — в свое время Испания пыталась поправить свое материальное положение такими допечатками. В результате совершенно не ясно, какие именно оттиски, действительно уникальные или более массовые, увидят состоятельные москвичи и гости столицы.

Возможно, российские специалисты по творчеству Гойи на выставку все-таки попадут и прояснят оттенки происходящего; пока можно говорить только о сюжетах привезенных в столицу листов и о судьбе их автора. Уроженец испанской деревни Фуэндетодос, сын мастера-позолотчика и дочери обедневшего дворянина, будущий художник начал получать профессиональное образование в Сарагосе. В 1769-м отправился в Италию, но завоевать мир с первой попытки не удалось: на конкурсе Академии художеств картина молодого Гойи главной премии не получила.

Через два года он вернулся на родину, а через десять лет стал известен как мастер портрета. Успех был стремительным: в 1796-м Гойя назначен придворным живописцем, еще через три года получил звание первого живописца короля. Чуть раньше был избран в Мадридскую академию художеств и вскоре стал директором ее живописного отделения. Карьера художника складывалась крайне удачно, однако со временем его искусство начало обретать очевидно трагические черты. Тогда-то он и создал свою первую гротескную серию *Los Caprichos* («Причуды») с авторскими комментариями. Эта замечательная сатира на повседневное человеческое существование открывает московскую выставку. На вернисаже фантазмагорические образы времен феодальной Испании странно гармонировали с публикой, поедавшей пирожные в лучах красных и синих софитов — к слову, не безукоризненных для сохранности работ на бумаге.

По соседству экспонируется разобранный на отдельные листы альбом *La Tauromaquia* («Бой быков») с динамичными сценами корриды. Это образцовое пособие по работе испанского матадора. Если спуститься еще чуть глубже, в соседний зал, обнаруживаешь «Безумие дураков» и другие опусы из серии *Los Disparates* («Нелепости»). Ее сюжеты считаются одними из провозвестников европейского сюрреализма. Отдельно показан цикл *Los Desastres de la Guerra* («Бедствия войны»), Гойя создавал его в 1808—1814 годах. В то время он одновременно работал над большими живописными полотнами — вроде «Расстрела повстанцев в ночь на 3 мая 1808 года», посвященного борьбе испанцев против французского вторжения под командованием Наполеона. Это был чрезвычайно трудный для художника период: из-за болезни он потерял слух. Он надолго удалился в свой загорный дом «Кинто дель Сордо» («Дом глухого») и там трудился над этим гравированным циклом.

Что будет дальше происходить с показами фрагментов коллекции полюбившего Москву господина Майера, пока неясно: выставки Сальвадора Дали и Гойи в сочетании с грядущей выставкой Пикассо (ее стоило бы затеять, например, в Музее космонавтики) образуют так называемую «Испанскую трилогию». Однако представитель компании-устроителя пообещал осенью доставить в столицу еще и выставку Альбрехта Дюрера — разумеется, тоже тиражную графику.

Ya tienen asiento.

Все листы *Los Caprichos* Гойя сопроводил авторскими комментариями. Эта гравюра называется «У них уже есть на что сесть». В названии — игра слов: чтобы образумить легкомысленных девиц, нет ничего полезнее, чем надеть им стулья на голову (*tener asiento* — также значит «быть степенным, невозмутимым»)